

Трунов Ф.О.

ЭВОЛЮЦИЯ СИЛ БЫСТРОГО РЕАГИРОВАНИЯ НАТО

***Аннотация.** В условиях перехода к новому миропорядку резко возрастает мощь НАТО как организации, её активность в деле «сдерживания» держав не-Запада. В статье исследуется эволюция сил быстрого реагирования (СБР, NRF) блока от их учреждения (2002–2003) до старта перехода к новой модели войск Альянса (2022–2023). Методологически опорой работы стали положения теорий альянсов и строительства вооруженных сил.*

СБР были учреждены в период пиковых усилий стран – участниц Альянса по обеспечению стратегического присутствия вне зоны ответственности блока, однако стали группировкой, используемой в основном внутри неё. Последовательно соблюдались основные принципы комплектования СБР: осуществление этого почти полностью европейскими государствами-членами, прежде всего «старыми», т.е. с минимальным участием США, и ротационный характер. NRF являлись важнейшей группировкой блока задолго до конфронтации с РФ (с 2014 г.), лишь упрочив своё положение в дальнейшем. Исследуется ход наращивания и организационная эволюция СБР НАТО, создаваемых с 2022–2023 гг. на их основе двух первых категорий новой модели войск Альянса. Особое внимание отводится изучению функционирования соединения сверхповышенной боевой готовности в целом (VJTF) и его наземной компоненты как ключевых составляющих СБР с 2015 г. Показывается роль учений Noble Jump и Trident Juncture в слаживании VJTF, особенности участия в процессе круга «рамочных государств» (Великобритании, Германии, Испании, Италии, Польши, Франции, Турции). Делается вывод об общем характере эволюции СБР, возрастании практических возможностей НАТО в связи с этим.

***Ключевые слова.** Североатлантический альянс; группировки; европейские государства-члены; военная мощь; многосторонность; новая модель войск НАТО; учения; США; ФРГ.*

Трунов Филипп Олегович – кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН. Россия, Москва.

E-mail: 1trunov@mail.ru

WoS Researcher ID: AAC-7844-2020

Scopus Author ID: 57211605240

ORCID: 0000-0001-7092-4864

Trunov Ph. O.

The Evolution of NATO Response Force

Abstract. *In the context of the emerging global order, there is a noticeable escalation in NATO's potential and operational activities aimed at deterring non-Western powers. This article explores the historical progression of the NATO Response Force (NRF) from its establishment in 2002–2003 to the commencement of its transition to a new force model in 2022–2023. The study is methodologically grounded in theories pertaining to alliance formation and military organization.*

The NATO Response Force (NRF) was established during a period when NATO member states were focusing their efforts outside the alliance's traditional zone of responsibility. However, the NRF evolved into a military tool utilized primarily within the Alliance's zone of responsibility. Two core principles guided the formation of the NRF: the emphasis on the leading role of European member states, especially the original members, over the United States, and the rotational deployment of its forces. The NRF maintained its status as the most critical of NATO's troop groups well before the emergence of tensions between the West and Russia in 2014.

Subsequently, the role of the NATO Response Force (NRF) has been further reinforced. This article examines the dynamics of its growth and organizational evolution, focusing on the two initial categories of the new NATO force model developed since 2022–2023 based on the NRF. The author pays special attention to the functioning of the NRF's key elements since 2015, notably the Very High Readiness Joint Task Force (VJTF) and its land component. The practical significance of the maneuvers Noble Jump and Trident Juncture in adjusting the VJTF is also highlighted. Additionally, the paper discusses the roles of the framework nations (France, Germany, Italy, Poland, Spain, Turkey, and the UK) in this process. In conclusion, the author reflects on the overall character of the NRF's evolution and the practical implications of NATO's growing military potential.

Keywords: *North Atlantic Alliance; troop groups; European member states; military power; multilateralism; new NATO force model; maneuvers; the USA; Germany.*

**Trunov Filipp Olegovich – PhD in Political Science, Leading Research Fellow,
Department of Europe and America, INION RAS. Russia, Moscow.**

E-mail: 1trunov@mail.ru

WoS Researcher ID: AAC-7844-2020

Scopus Author ID: 57211605240

ORCID: 0000-0001-7092-4864

Наиболее заметными составляющими складывания нового миропорядка являются: оформление не-Запада как общности акторов и переструктурирование самого «коллективного» Запада. Под вторым процессом понимается корректируемое распределение ответственности между «либеральными демократиями», перегруппировка их ресурсов, особенно в рамках многосторонних механизмов. Прежде всего, данные изменения относятся к возможно-

сти использования военных ресурсов, так как неотъемлемая характеристика каждой смены миропорядка – возрастание фактора силы в международных отношениях.

В случае «коллективного» Запада основным носителем военной мощи оставался Североатлантический альянс, всё активно нацеливаемый на «сдерживание» РФ и в целом влиятельных не-западных держав [Братерский 2020]. В целом совокупность подразделений, частей, соединений и объединений, уже находившихся в распоряжении НАТО или должны быть переданными под его командование в кризисной ситуации, обозначались термином «объединенные вооруженные силы» (ОВС). «Ядро» ОВС составляли постоянные (по характеру функционирования) группировки. Наиболее мощной среди них являлись силы быстрого реагирования НАТО (*NATO Response Force, NRF*), представляя аналог «ядра» главной части войск в подчинении Альянса в целом. Поэтому изменения численности *NRF*, их внутренней организации служили, особенно в совокупности, важными индикаторами эволюции военно-стратегического курса и мышления «западных демократий» в целом.

Задача статьи – проследить эволюцию сил быстрого реагирования НАТО с фокусированием на десятилетия 2014–2023 гг. Методологически исследование проведено с опорой на положения теории строительства вооруженных сил и теории альянсов [Истомин 2021]

В отечественной и зарубежной политологии создан большой корпус исследований по развитию НАТО как организации [Надточей, Христенко 2019], вклада в этот процесс конкретных стран-участниц (прежде всего, крупнейших) [Varwick 2007] и их групп [Никитин 2020]. Однако малочисленными и разрозненными, пока ещё не дающими целостной картины, являлись исследования, посвященные непосредственно функционированию группировок Альянса [Biscop 2022]. Притом большее внимание уделялось силам передового развертывания (СПР) [Зайцев, Зайцева 2019] как расположенным в одноимённой, прилежащей к РФ, части зоны ответственности НАТО.

История создания и развития NRF в 2003–2013 гг.

С инициативой учреждения СБР выступила администрация Дж. Буша-младшего [Varwick 2007] в ноябре 2002 г. [NATO Response 2023]. Дата показательна как веха в выходе «западных демократий», непосредственно НАТО как организации в их военно-стратегической активности за пределы зоны ответственности блока. Уже стартовала деятельность I западной антитеррористической коалиции, созданной США после актов мегатеррора 11 сентября 2001 г. Важен был имиджевый аспект: провозглашение осенью 2001 г. канцлером ФРГ Г. Шрёдером, выражавшим настроения широких кругов истеблишмента европейских государств – членов блока, формулы «неограниченной трансатланти-

ческой солидарности» [The Bundeswehr 2009]. Это создало у Белого дома иллюзорное представление, что любая его военная инициатива наступательного (де-юре контрнаступательного) характера, даже лишь формально обращенная против международного терроризма, встретит поддержку со стороны массы партнеров по НАТО. СБР изначально задумывались как институционально оформленный инструмент её оказания в отдалении от зоны ответственности Альянса, т. е. на глобальном уровне [Varwick 2007].

Однако такая функциональная направленность *NRF* не была поддержана частью «старых» (вступивших в блок до 1990 г.) европейских государств-членов во главе с Германией и Францией. Их позиция по данному вопросу тесно переплеталась с отношением к подготавливаемой США военной кампании против Ирака, бездоказательно обвиненного в разработке ОМП и в связях с международным терроризмом. Официальные Берлин и Париж впервые в истории Альянса обозначили готовность заблокировать использование механизма НАТО в случае обращения к нему для проведения боевых действий в Ираке. В результате США в кооперации с Великобританией и существенной частью поддержавших их «западных демократий» прибегли к созданию «коалиции желающих» для вторжения в Ирак. На таком фоне Белый дом согласился с новым функционалом *NRF* как инструмента, предназначенного к использованию внутри или вблизи зоны ответственности НАТО. Это изменение обеспечило поддержку инициативы со стороны европейских стран-участниц в июне 2003 г. на встрече глав военных ведомств [NATO Response 2023].

Следует подчеркнуть два основополагающих принципа комплектования СБР: принятие практически всей нагрузки европейскими государствами-членами (а не США) [Biscop 2022] и на ротационной основе. Последнее положение, будучи корректируемо в 2008 и 2010 гг., означало предоставление конкретным государством-членом контингента войск в состав *NRF* на срок 6–12 месяцев [NATO Response 2023]. После страна-участница на несколько лет де-факто или освобождалась от нагрузки (в пользу других, задействуемых хронологически до или после неё партнеров), или она была почти символической. Де-юре каждая страна-участница сама определяла размер вклада по линии национальных ВС [там же].

Изначально численность *NRF* планировалась в 21 тыс. военнослужащих (эквивалент усиленной дивизии), однако в итоге была определена в 15 тыс. солдат и офицеров. Факт достижения СБР боеготовности был декларирован на Рижском саммите НАТО в октябре 2006 г. [NATO Response 2023].

Почему европейские государства-члены, особенно «старые», поддержали такие принципы комплектования? С одной стороны, это было важным шагом навстречу США и тем самым стремлению упрочить трансатлантические отношения, неоднократно ослаблявшиеся. Создание *NRF* было утверждено уже в июне 2003 г., всего через месяц после окончания военной кампании

«коалиции желающих» США в Ираке (20 марта – 1 мая 2003 г.), что являлось со стороны не поддержавших её стран – участниц НАТО мерой преодоления кризиса диалога с Белым домом. Традиционно считалось, что в 2000-е – начале 2020-х годов треком «всесезонного» сотрудничества «западных держав» (т. е. как США и Великобритании, так и Германии и Франции), что облегчал преодоление спадов в отношениях, являлась реализация под эгидой НАТО масштабных мер по стабилизации обстановки в Афганистане. К этому направлению следует добавить и функционирование СБР, бывшее не столь заметным из-за своей «рутинности» и главное – осуществления не вовне, а внутри зоны ответственности.

С другой стороны, учреждение *NRF* означало повышение степени «европеизации» военно-ресурсного потенциала НАТО, т. е. внесения большего вклада в удельном отношении европейскими странами – участницами блока. Это соответствовало интересам как США, так и последних. После окончания «холодной войны» официальный Вашингтон последовательно стремился стимулировать партнеров принять часть своей прежней (рассматриваемой им как чрезмерная) военной нагрузки по линии НАТО, тем обеспечив дополнительный резерв сил и средств для своей военной активности не под эгидой Альянса (прежде всего, в национальном качестве) на глобальном уровне. При этом общеполитически Белый дом отнюдь не был готов ослабить свою направляющую роль в блоке. Европейские страны – участницы блока рассматривали увеличение своего вклада в комплектование группировок Альянса как важный критерий дееспособности. Стремление использовать это для реализации державных амбиций наиболее заметным было в случае Германии.

При этом большинство государств – членов НАТО, особенно из числа «старых», выступали за параллельное развитие военно-ресурсного потенциала Североатлантического альянса и создание такового у Европейского союза. Де-юре разделение их компетенций должна была определять формула «Берлин +» (принята в 2002 г.), в целом предполагавшая активность ЕС по тем направлениям, где НАТО не была готова или способна действовать [Никитин 2020]. Вне зоны ответственности Североатлантический альянс, помимо Балкан, в основном действовал на Среднем и в последующем на Ближнем Востоке, а Европейской союз – в Африке, особенно севернее Сахары и Сахаро-Сахельском регионе. Функционально под эгидой НАТО использовались как войсковые контингенты, в том числе создавались временные многонациональные формирования, так и группы военных специалистов (прежде всего, инструкторов, советников), под флагом ЕС – в основном лишь последние, за исключением деятельности на море.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов возникло ощущение того, что создание военно-ресурсного потенциала ЕС заметно ускорится, а его использование – интенсифицируется. Тогда был принят комплекс решений по Еврокорпусу, ста-

ли разворачиваться (с 2003 г.) первые миссии ЕС вне зоны его ответственности [Манойло 2020]. Именно на этом фоне США было инициировано учреждение СБР Альянса – с тем, чтобы он в принципе не отставал от ЕС в деле проведения внутренних институциональных преобразований.

Проект *NRF* позволял создать постоянную группировку НАТО впервые после расформирования уже в первой половине – середине 1990-х годов таковых, что составляли I стратегический эшелон НАТО в «холодную войну» (прежде всего, северная и центральная группы армий, СГА и ЦГА). Тем самым *NRF* должна была заполнить возникший структурный вакуум, но в количественном плане лишь частично: так, суммарная численность СГА и ЦГА составляла в 1980-е годы порядка 1 млн военнослужащих [Fleckenstein 1990]. Иными словами, формально она была примерно в 70 раз (!) больше, чем штатное количество солдат и офицеров в составе *NRF*. Однако на практике разница была иной. ВС стран – участниц НАТО, прежде всего «старых», находились с 1990-х годов в состоянии продолжительных и масштабных сокращений численности личного состава, парка вооружений и военной техники [Defence Expenditure 2023], упразднения существенной части имевшихся формирований и перевода многих оставшихся на более низкий уровень боеготовности. Указанный вакуум из-за демонтажа постоянных группировок относился к НАТО во второй половине 1990-х – начале 2000-х годов лишь применительно к ситуации внутри, но не вовне зоны ответственности. Вне Евро-Атлантического сообщества – сначала на Балканах (Босния, 1995–2003 гг.; Косово с 1999 г., будущая Северная Македония, 2001–2003 гг.), а затем в Афганистане с 2001 г. – функционировали крупные (в десятки тысяч) многосторонние группировки под управлением НАТО [The Bundeswehr 2009]. В смысле геостратегической значимости (обеспечение глобального военного присутствия под эгидой Альянса) совокупность механизмов на Балканах или МССБ в Афганистане были соответственно в 1990-е и в 2000-е годы вполне сопоставима для государств – членов блока с каждой из расформированных групп армий (СГА, ЦГА) применительно к реалиям 1980-х годов.

Будучи осуществлено в период пиковых объемов усилий и географии использования НАТО в отдалении от Евро-Атлантического сообщества, учреждение *NRF* закладывало институционально оформленную основу для *перспективного* наращивания потенциала Альянса уже внутри зоны её ответственности. Если в 2000-е годы это представлялось задачей отдаленного будущего, то уже затем начало становиться реальностью. Так, к 2013 г. штатная численность СБР НАТО сократилась с 15 до 13 тыс. военнослужащих [Defence Ministers 2015]. Однако еще 21 февраля 2013 г., т. е. ровно за год до старта конфронтации с РФ, на встрече глав военных ведомств стран – участниц НАТО было принято решение считать *NRF* «ядром» ОВС Альянса в контексте повышения их боеспособности и эффективности [NATO Response 2023].

Общие особенности эволюции NRF в 2014–2023 гг.

В условиях возникновения и развития конфронтации с РФ первые масштабные решения, определявшие усиление военно-ресурсного потенциала НАТО в целом, касались именно СБР. Это подчёркивало их роль как ключевого элемента в системе группировок Альянса.

На Уэльском саммите блока (4–5 сентября 2014 г.) было согласовано увеличение штатной численности *NRF* до 30 тыс. военнослужащих, т. е. более чем вдвое. В составе СБР создавалось соединение сверхповышенной боевой готовности (*Very High Readiness Joint Task Force, VJTF*) – «остриё копья» СБР в целом [Wales Summit 2014]. *VJTF* должны были достигать полной боевой готовности в предельно короткие сроки – от двух до трех суток [Wales Summit 2014]. 5 февраля 2015 г. на встрече глав военных ведомств государств – членов Альянса были приняты уточняющие решения по *VJTF*. Они должны были состоять из наземной (штатная численность – 5,0 тыс. военнослужащих, т. е. эквивалент бригады), а также военно-морской, военно-воздушной и сил специального назначения (ССО) компонент [NATO Response 2023]. Было определено, что каждый календарный год одно из европейских государств-членов, располагавших наиболее крупными по численности национальными ВС (от 100 тыс. военнослужащих), принимало функции «рамочного государства» («рамочной нации») при комплектовании *VJTF* и особенно её наземной компоненты [Statement 2015]. Данный термин означал, что в рамках многосторонней группировки конкретное государство-член вносило наибольший вклад в плане предоставления войск и принимало общее руководство. Применительно к сухопутной составляющей *VJTF* речь шла о предоставлении сил наземной бригады конкретной страны-участницы как «ядра» многонационального соединения, остальные подразделения которого комплектовались другими (обычно от двух до десяти) государствами-членами. Изначально список «рамочных государств» для *VJTF* включал Великобританию, Германию, Испанию, Италию, Польшу, Францию [Statement 2015]. С запозданием присоединилась Турция, тем демонстрируя при Р.-Т. Эрдогане определенную «особость» в блоке. Такую же показывала и Греция: она вообще не вошла в данный список, хотя имела свыше 100 тыс. войск в ВС [Defence expenditures 2023].

Показательно абсолютное преобладание в указанном списке «рамочных государств» «старых» стран – участниц НАТО (все, кроме Польши). Формально это объяснялось тем, что «новые», за исключением Польши, в силу объемов ресурсной базы не располагали крупными ВС. Однако круг причин более широк. *NRF* изначально задумывались и неизменно оставались механизмом масштабного вовлечения в комплектование группировок НАТО именно западно-, южно- и североевропейских государств-членов, в меньшей степени – восточноевропейских. Последние, располагаясь во вновь возникшей в результате рас-

ширений НАТО в конце 1990-х – 2000-е гг. передовой части зоны ответственности, принимали функции реципиентов СПР Альянса, установления с ними теснейшего сотрудничества. Тем самым восточноевропейские государства были прежде всего ориентированы на развитие потенциала первого стратегического эшелона войск НАТО – по сути, усиливаемых авангардов главных сил. Комплектование последних, «ядро» которых и было представлено СБР, являлось уже предметом ответственности в основном «старых» государств-членов.

На заседании глав военных ведомств государств – членов НАТО 24 июня 2015 г. было принято решение об увеличении штатной численности *NRF* до 40 тыс. военнослужащих [Defence Ministers 2015], в том числе 20 тыс. – в составе соединения *VJTF* [NATO Response 2023]. С учетом семилетнего цикла ротации, определенного в феврале 2015 г., это означало от государств-комплектаторов (всех стран-участниц, кроме США) необходимость резервирования до 280 тыс. военнослужащих для использования в составе СБР либо в настоящий момент (текущий 12-месячный этап), либо в последующем. Притом в перерывах (достаточно продолжительных – формально до шести лет) между несением нагрузки в деле комплектования *NRF* конкретное государство-член считалось относительно свободным в использовании соответствующих контингентов. Они могли оставаться в местах постоянных дислокации (т. е. в условном резерве), действовать под эгидой других международных структур (ЕС, ООН или даже АС), в составе других группировок НАТО (например, сил передового развёртывания). Однако даже с учетом этой гибкости нагрузка по комплектованию стремительно возросших в 2014–2015 гг. СБР – более чем в 3 раза (с 13 до 40 тыс.) – отнюдь не представлялась лёгкой для европейских государств – членов НАТО. Важная причина – медленность наращивания национальных ВС, особенно у «старых» стран-участниц.

Здесь следует подчеркнуть, что в результате продолжительных (с 1990-х по начало 2010-х годов) масштабных сокращений, особенно в армии (т. е. наиболее многочисленного вида войск), численность «военных машин» резко сократилась по сравнению с концом 1980-х годов. Притом от этой пониженной планки прирост был небольшим и даже отрицательным. Так, в 2014–2023 гг. из крупнейших стран Западной Европы количество военнослужащих в составе ВС Великобритании сократилось на 7,5%, Франции – почти не изменилось, Германии – увеличилось также на 7,5%, что, однако, на начало 2020-х годов ещё не привело к созданию ни одной новой бригады в бундесвере. В случае ведущих игроков Южной Европы наблюдалась схожая тенденция: минус 3,4% у Испании, минус 5,2% у Италии, характерная также для малых и средних «старых» государств-членов. Так, у ВС Бельгии изменение составило рекордные минус 26,6%, Португалии минус 23,2%, наблюдался небольшой прирост у Дании (+ 3,6%), Нидерландов (+2,4%), лишь у Норвегии + 9,0%. У Турции увеличение составило + 8,1%, Греции + 4,1% [Defence expenditures 2023].

К чему вело сочетание двух этих тенденций – медленного (во многих случаях отрицательного) роста численности национальных ВС и очень быстрого у сил НАТО? К увеличению степени интегрированности первых во вторые, уменьшению возможностей «старых» стран-участниц по развитию потенциала иных (помимо НАТО) многосторонних структур – прежде всего, ЕС. Так, проект создания «европейской армии», т. е. многосторонних военных сил ЕС, продвигался в конце 2010-х – начале 2020-х годов крайне медленно [Манойло 2020]. Притом динамично развивалось его функциональное и технико-технологическая поддержка в виде проектных комитетов Постоянного структурированного сотрудничества (*PESCO*) [Никитин 2020], не требовавшая привлечения войсковых контингентов и могущая быть по ряду направлений использована и в интересах НАТО.

Трудности стали возникать и с дальнейшим увеличением штатной численности *NRF*. С конца 2010-х годов неоднократно появлялась неофициальная информация о планах её доведения до 60 тыс. военнослужащих, т. е. эквивалента усиленного армейского корпуса или «ядра» полевой армии. Однако данное решение так и не было принято на уровне НАТО вплоть до весны 2022 г.

Притом шло наращивание его постоянных группировок в целом. В 2016–2017 гг. было принято решение и создана наземная основа СПР в странах Балтии и Польше (четыре многонациональные батальонные тактические группы (БТГ) и бригада США) [NATO's military presence 2023].

В 2018 г. была согласована передача к 2020 г. в оперативное подчинение НАТО тактических резервов по формуле 30×4 (30 БТГ, 30 эскадрилий авиации, 30 боевых кораблей со сроком приведения в готовность в течение 30 суток) [Brussels Summit 2018]. Де-юре это не относилось напрямую к развитию СБР. Однако де-факто, учитывая географию расположения основной части учреждаемых резервов (в глубине зоны ответственности НАТО с преимущественным комплектованием «старыми» странами-участницами), функциональное предназначение, силы по формуле 30×4 были очень близки к *NRF*. По сути, происходило их наращивание без формального провозглашения перехода к штатной численности в 60 тыс. человек.

Фактор *COVID-19* не оказал долгосрочного серьезного влияния на совершенствование СБР и системы постоянных группировок НАТО в целом: наблюдалось лишь определенное снижение активности в подготовке войск в 2020 и отчасти в 2021 гг. Так, в это время планомерно шло наращивание разноплановой инфраструктуры и создания сети штабов, особенно дивизионного уровня, под будущее наращивание СПР НАТО уже во всей Восточной Европе [NATO's military presence 2023]. Это являлось признаком в целом постепенной и тем часто малозаметной подготовки дальнейшего мощного наращивания потенциала Альянса в целом. Логично, что данное положение относилось не только к СПР, но и прежде всего к СБР как «ядру».

Речь прежде всего шла о трудозатратном перенацеливании национальных ВС на всё более активное использование под эгидой блока внутри зоны ответственности. Как ни парадоксально на первый взгляд, этому способствовало резкое сокращение объёмов активности блока вне неё, особенно экстренная эвакуация многосторонних сил НАТО из Афганистана в апреле – июне 2021 г. [Новикова 2022].

На этом фоне вынужденная по своему характеру СВО РФ стала удобным предлогом для реализации давно и тщательно подготавливаемых решений по НАТО. Уже в первой половине февраля 2022 г. (т.е. ещё до начала СВО) произошло усиление большинства имевшихся формирований СПР Альянса. На техническом саммите Альянса 24 марта 2022 г., т.е. всего через месяц после старта СВО, было принято решение о развёртывании новой партии формирований СПР уже в южной части Восточной Европы (суммарно новые 4 БТГ и бригада США) [NATO's military presence 2023].

Учитывая чередование мер по наращиванию потенциала НАТО в глубине и передовой части зоны ответственности закономерно, что следующим шагом должно было стать мощное усиление СБР. Соответствующий комплекс мер был согласован на Мадридском саммите НАТО (28–30 июня 2022 г.). Он стал эпохальным: была принята не только новая стратегическая концепция Альянса (первая в условиях конфронтации с РФ, перехода Альянса к «сдерживанию» КНР и ИРИ) [NATO strategic 2022], но и новая же модель войск блока [New NATO Force 2022]. В её основе лежала модернизация схемы СБР.

В преддверии Мадридского саммита генеральный секретарь Альянса Й. Столтенберг заявил о планах по увеличению до 300 тыс. военнослужащих войск повышенной готовности [Press conference... 2023]. Если бы последний термин был аналогом СБР, то при существовавшей с 2015 г. схеме (семилетний цикл) это означало необходимость резервирования под использование в составе *NRF* 2,1 млн солдат и офицеров притом, что всего в ВС европейских стран-участниц (т.е. без США и Канады) насчитывалось на тот момент менее 1,9 млн человек [Defence Expenditure 2023], т.е. было бы утопией.

На практике речь шла прежде всего о качественных изменениях СБР. На их основе стали создаваться союзнические силы реагирования (*Allied Reaction Force*) общей численностью в 800 тыс. солдат и офицеров, делившиеся на три разряда по сроку приведения в состояние полной боевой готовности. Для первой категории (100 тыс. военнослужащих) он составлял до десяти суток, для второй (200 тыс. солдат и офицеров) – до 30 суток, третьей (500 тыс. военнослужащих) – до 180 дней (полугода) [New NATO Force 2022].

Функционально первые два разряда (суммарно 300 тыс.) состояли из войск, до этого резервируемых под использование как *NRF* (до 280 тыс.), а также весьма близких к ним тактических резервов по формуле 30×4 .

В понимании автора первая категория новой модели войск НАТО в основе представляла аналог войск *VJTF*, вторая – иных компонент *NRF*, сил по схеме 30×4 .

С одной стороны, *номинально* по численности первые два разряда не превосходили СБР и резервы 30×4 . Проблема медленного роста национальных ВС, в том числе полностью боеспособных войск, продолжала быть сдерживающим фактором на пути наращивания постоянных группировок НАТО. С другой стороны, произошло *качественное отличие*: в отличие от прежних *NRF* первые две категории были в намного большей степени подчинены НАТО: к их реальному использованию могли обратиться не раз в семь лет, а уже практически в любой момент [New NATO Force 2022]. Это резко ограничивало возможность по использованию формирований национальных ВС, причисленных к двум первым разрядам войск Альянса, в любом другом качестве.

Кроме того, не следует забывать о наличии еще огромной (0,5 млн военнослужащих) третьей категории, хотя её подчиненность блоку была намного меньшей, учитывая сроки приведения в боевую готовность (до полугода). Иными словами, здесь страны-участницы обладали определенной свободой манёвра в отношении войск, приписанных к третьему разряду новой модели войск НАТО. Неслучайно в документах Альянса, стран-участниц он фигурировал обычно несколько обособленно от первых двух [Pressekonferenz 2023].

Наконец, новая модель войск НАТО представляла модернизированную форму организации основной части группировок Альянса, т.е. не относилась к СПР. Последние тоже находились в процессе наращивания: в начале июня 2022 г. Германия инициировала постепенный перевод одной из батальонных многонациональных боевых групп (в Литве) в бригадную; за этим неизбежно последовала цепная реакция, затронувшая как минимум большинство многосторонних формирований СПР [NATO's military presence 2023].

Совокупность этих мер означала резкое увеличение степени интегрированности национальных ВС, прежде всего «старых» европейских стран – участниц НАТО. О чувствительности для данных игроков принятых решений косвенно свидетельствует следующий факт: новая модель войск Альянса была опубликована не на Мадридском саммите блока параллельно с принятием новой стратегической концепции, но спустя десять дней (29 июня и 8 июля 2022 г. соответственно) [NATO strategic 2022; New NATO Force 2022].

В увязке с этим показательно, что переход к новой модели – прежде всего, реорганизация прежних *NRF* в первые две категории – должен был проводиться не быстро, но *постепенно*. Сроки завершения неоднократно переносились: на Вильнюсском саммите НАТО было констатировано дальнейшее осуществление процесса [Vilnius Summit 2023], но отнюдь не его завершение. Едва ли оно это будет сделано к концу 2023 г. [NATO Response 2023]: так, ФРГ будет способна обеспечить весь свой вклад (35 тыс. военнослужащих) в ком-

плектование двух первых категорий новой модели войск НАТО лишь с 2025 г. [Pressekonferenz 2023].

Здесь вновь следует подчеркнуть, что комплектование СБР, затем союзнических сил реагирования в абсолютном большинстве его объёмов осуществлялось европейскими странами – участницами блока – иными словами, вклад США был минимальным. В основном он ограничивался выделением штабного персонала, отдельных мелких наземных подразделений, несколько большей нагрузкой при комплектовании остальных компонент (особенно по линии ВМС и ССО) [Fact sheet 2022]. Соответственно, тенденция «европеизации» состава основных сил постоянных группировок НАТО в 2014–2023 гг. лишь упрочилась. Показательно, что не в пример этому США вносили самый крупный национальный вклад в развёртывание СПР. Так, каждая партия из четырех многосторонних боевых групп (созданы в 2017 и 2022 гг. соответственно) с ведущим участием европейских игроков сочеталась с размещением бригады сухопутных войск США в национальном качестве; помимо этого Соединенные Штаты направляли контингенты и в состав большинства указанных многосторонних боевых групп [NATO's military 2023; Fact sheet 2022]. Чем объяснялась разница подхода Белого дома к комплектованию СБР и СПР? Основные военные ресурсы сами США направляли на противодействие КНР. В вопросе «сдерживания» РФ Соединенные Штаты стремились одновременно играть политически направляющую роль и оптимизировать (минимизировать) свой военный вклад, перекладывая практическую нагрузку на европейских партнеров. Это обеспечивалось политическим инициированием или со-инициированием шагов по наращиванию СБР, союзнического реагирования с сохранением встроенного контроля (политически, через штабы) и заметной военной ролью в развитии СПР – авангардов, наиболее чувствительных для оппонента. Если уподобить систему постоянных группировок НАТО огромному зданию, то США принимали на себя ведущие функции при сооружении каркаса и фасада, тем контролируя строительство в целом и возлагая основной объём нагрузки на европейских партнеров. Так, в феврале-марте 2022 г. официальный Вашингтон увеличил свою группировку в Европу с 80 до 100 тыс. солдат и офицеров [Fact sheet 2022] (при общей численности ВС США почти в 1350 тыс. человек) [Defence Expenditure 2023]. Следует подчеркнуть, что в условиях перехода к новой модели войск НАТО никаких дополнительных заметных увеличений присутствия США в Европе не последовало.

Развитие сил VJTF в 2015–2023 гг.: кейс наземной компоненты

NRF были предназначены для быстрого выдвижения из глубины и нанесения удара на требуемое (угрожаемое и (или) перспективное с точки зрения проведения наступления) направление. Своим оперативным развёртыванием высокобоеспособные *NRF* должны были обеспечить стремительное изменение

соотношения сил с противником, достижение внезапности, что являлось важными составляющими успеха последующей операции. Эта тактика была характерна для ряда национальных западноевропейских военных школ, прежде всего германской: так, примерами служат переброска буквально в последний месяц перед 22 июня 1941 г. танковых дивизий вермахта [Жуков 1974] или схема нанесения удара по Наревскому плацдарму в октябре 1944 г. [Батов 2015].

Ключевая роль в реализации данной тактики отводилась *VJTF* в целом и особенно её наземной (функционально и численно осевой) компоненте. Отработка возможностей *VJTF* проводилась в ходе различных учений НАТО, из числа которых следует выделить два вида манёвров. **Первые** – это *Noble Jump*, относительно небольшие по объёму (2–5 тыс. военнослужащих) и проходившие практически ежегодно с 2015 г. Основная их масса была организована в мае-июне года, географически – в Восточной Европе (чаще в Польше или Румынии), а задачей являлось обеспечение тесного взаимодействия передовых частей наземной компоненты *VJTF* с подразделениями ВС региональных игроков [NATO Response 2023; Noble Jump 2017].

Второй вид манёвров – это *Trident Juncture*. Они были крупномасштабными и проводились осенью с тем, чтобы подготовить войска государства, принимавшего функции «рамочного государства» в комплектовании наземной компоненты *VJTF* в следующем календарном году. Следует подчеркнуть, что *Trident Juncture* проходили раз в три–пять лет: каждые такие манёвры де-факто означали наступление нового этапа в развитии *VJTF*.

Учения *Trident Juncture 15* (октябрь-ноябрь 2015 г.) с участием 36 тыс. военнослужащих, 140 самолётов и 60 кораблей от более чем 30 государств – членов и партнёров НАТО прошли на Пиренейском и Апеннинском полуостровах [Trident Juncture 2015]. Поскольку решения о создании, об изменении численности и уточнении структуры *VJTF* принимались в конце 2014 – первой половине 2015 г., то первым полным годом их функционирования считался 2016 год, когда функции «рамочного государства» для наземной компоненты принимала Испания (табл. 1). С учетом её расположения и был выбран регион учений [Trident Juncture 2015].

Trident Juncture 18 (октябрь-ноябрь 2018 г.) были организованы уже в Норвегии, став крупнейшими для Альянса с начала конфронтации. В них приняли участие 51 тыс. военнослужащих, а также 250 самолетов и 65 кораблей более чем от 30 государств-членов и партнеров. Крупнейшие страны-участницы выделили для проведения сразу шесть бригад сухопутных войск, одна из которых (41-я мотопехотная бундесвера), приняла функции «рамочного государства» наземной компоненты *VJTF* [Germany steps 2019]. Почему эту роль приняла Германия, а учения проводились в Норвегии? ФРГ расположена в глубине зоны ответственности НАТО, а манёвры с участием СБР проходили в передовой её части для отработки выдвижения их сюда.

Если *Trident Juncture 15* показали возможности Альянса в Южной Европе, то *Trident Juncture 18* – в Северной Европе. В первом случае демонстрировалась заявка на противодействие под эгидой НАТО угрозам нестабильности из Африки (проваленное, как показал миграционный кризис в «западных демократиях» в 2015–2016 гг.), во втором – на стратегическое проникновение блока в Арктику. Ещё одна формальная причина – вхождение Норвегии (наряду с Нидерландами) в одну с Германией как «рамочным государством» «нарезку» государств при комплектовании СБР (а также СПР) [Germany steps 2019, 2022].

Проведение *Trident Juncture 18* должно было показать возросшие возможности *VJTF* в целом и подчеркнуть особенно активную роль ФРГ в их комплектовании. Показательно, что в *Trident Juncture 18* роль «ядра» наземного соединения *VJTF* играла одна бригада бундесвера (41-я мотопехотная), а в 2019 г. – уже другая (9-я учебная танковая) [Germany steps 2019]. Это являлось прецедентом, подчёркиванием Германии возможности использовать сразу несколько соединений в роли основы сухопутной составляющей *VJTF*. Ещё более примечательно другое: ФРГ единственная из крупнейших европейских государств-членов НАТО и Турции приняла функции «рамочного государства» вне очереди, что произошло в 2019 г. В результате на временном отрезке 2015–2023 гг. Германия играла эту роль три года из девяти лет (табл. 1).

Таблица 1

«Рамочные государства» наземной компоненты *VJTF* (2015–2023)

Год	Основное государство-комплектатор	Бригада национальных ВС, ставшая «ядром»	Ссылка
2015	Германия	Подразделения 9-й учебной танковой, 21-й танковой бригад	[См.: Statement by... 2015]
2016	Испания	7-я лёгкая пехотная бригада	[См.: Trident Juncture... 2015]
2017	Великобритания	20-я механизированная бригада	[Noble Jump...2017]
2018	Италия	...	[См.: Turkey takes... 2021]
2019	Германия	9-я учебная танковая бригада	[Germany steps...2019]
2020	Польша	21-я бригада подгальских стрелков	[Poland takes... 2019]
2021	Турция	66-я механизированная бригада	[См.: Turkey takes... 2021]
2022	Франция	1-й пехотный и 3-й гусарский полки (из франко-германской бригады)	[France takes... 2021]
2023	Германия	37-я мотопехотная бригада	[Germany takes... 2022]

В 2015 и 2023 гг. ФРГ стала добровольно первой в списке (что само по себе символично, особенно с учётом того что именно в эти два года принимались ключевые решения по наращиванию NRF) и внеурочно в 2019 г. Данная активность являлась важной составляющей более широкого стремления Германии принимать функции «рамочного государства» для как можно большего числа многосторонних группировок и формирований НАТО, тем реализуя свои державные амбиции.

В периоды комплектования «ядра» наземной компоненты *VJTF* бундесвером её общая численность обычно была больше, чем в остальных случаях: так, в 2019 и 2023 гг. она составляла 8,0 и 11,5 тыс. военнослужащих соответственно [Germany steps 2019; Germany takes 2022], а в 2020 г. – 6,0 тыс., в 2021 г. – 6,4 тыс. [Poland takes 2019; Turkey takes 2021].

Внеочередное (2019) принятие функций «рамочного государства» Германией как бы разделило список остальных на две равные части по три игрока в каждой. Первая из них (Испания, Великобритания, Италия; таблица 1) – это проявлявшие к принятию этой нагрузки достаточно высокий интерес, вторая – демонстрировавшая более низкий таковой. Польша была сфокусирована на наращивании СПР (притом прежде всего контингентов США в их составе), Турция продолжала проявлять «особость», с запозданием подключаясь к комплектованию большинства постоянных группировок Альянса. Наконец, Франция традиционно уделяла повышенное внимание развитию потенциала ЕС (вновь выдвинутая инициатива Э. Макрона 2017–2018 гг. по созданию «европейской армии» в увязке с заявлением о «смерти мозга НАТО»). Так, в 2022 г. официальный Париж демонстративно задействовал для комплектования *VJTF* части из франко-германской бригады (из состава Еврокорпуса; табл. 1), не став прибегать к использованию какой-либо бригады в одностороннем подчинении. Вместе с тем именно в период очередности Франции – в 2022 г. – ряд подразделений *NRF* был выдвинут в Румынию [NATO Response 2023]. Здесь, однако, речь шла скорее о заинтересованности в сближении официального Парижа с Бухарестом, а не о резкой активизации первого по линии НАТО. Интересно, что очередность Польши (2020) пришлась на время первых волн COVID-19, когда всякая военная активность, в том числе *VJTF*, была в существенной мере «заморожена» (что в реальности минимизировало нагрузку официальной Варшавы), Турции (2021) – в период экстренной эвакуации сил НАТО из Афганистана (в которой были точно задействованы *NRF* [NATO Response 2023], а главное – стоял вопрос об установлении военного контроля официальной Анкары над международным аэропортом Кабула). Наконец, Франции – на 2022 г., когда РФ была вынуждена начать СВО; притом сам официальный Париж был известен несколько более сдержанной, чем у Лондона и Вашингтона, позицией по противодействию РФ.

Эволюция СБР блока, включая организацию на их основе двух первых категорий новой модели войск Альянса, являлась едва ли не ключевой иллюстрацией роста его военной мощи в целом. *NRF* как механизм «завязали» на себя росшую часть вооружённых сил прежде всего «старых» европейских государств – членов НАТО. Хотя эта схема считалась игрой с ненулевой суммой для всех стран – участниц Альянса, основным бенефициаром виделись США. Увеличивалась интегрированность (подчиненность) «военных машин» «старых» государств – членов НАТО как организации (с сохранением за Вашингтоном стратегически направляющей роли); Белый дом, полагаясь на огромные ресурсы партнёров по Альянсу в деле «сдерживания» РФ, свои собственные основные силы получал возможность направить на противодействие КНР.

Общая схема поступательного развития СБР в 2014–2023 гг. видится точно выверенной. В 2014–2015 гг. был принят комплекс решений по резкому наращиванию *NRF*, созданию *VJTF*, при этом государства-компоненты обладали достаточно большой свободой манёвра своими контингентами вне своей очередности на семилетнем цикле. По его прошествии, т. е. практическом вовлечении в дело комплектования СБР всех стран-участниц, стартовал переход к новой модели войск НАТО. Её первые две категории представляли модернизированный вариант СБР, численно равный их потенциалу в целом, однако с намного более жёсткой привязкой к Альянсу. В результате если в середине 2010-х годов по линии *VJTF* отработывалась возможность нанесения удара из глубины отдельными бригадами, то десятилетие спустя НАТО получает возможность делать это как минимум восемью–десятью бригадами (см. табл. 1) с дальнейшим увеличением числа таковых.

Библиография

- Батов П.И. В походах и боях. М.: Вече, 2015. 480 с.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Т. 1. М.: АПН, 1974. 383 с.
- Братерский М.В. Истоки новой холодной войны: основные черты системного конфликта XXI века // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 1. С. 15–31.
- Зайцев А.А., Зайцева Н.В. О воинских контингентах США и НАТО в Европе // Труды БГТУ. Серия 6: История, Философия. 2020. № 1. С. 82–85.
- Истомин И.А. Управление обязательствами в асимметричных альянсах // Международные процессы. 2021. № 1. С. 26–55.
- Манойло А.В. Современные подходы Европейского союза к созданию собственных вооружённых сил // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 75–94.
- Надточей Ю.И., Христенко Д.Н. Разделение финансового бремени в НАТО: Старая проблема в новом звучании // Актуальные проблемы Европы. 2019. № 1. С. 56–77.
- Никитин А.И. Тенденции военно-политического развития и военно-технического сотрудничества стран Евросоюза // Актуальные проблемы Европы. 2020. № 4. С. 53–74. DOI: 10.31249/ape/2020.04.03.

Новикова О.Н. Четвертая афганская война Великобритании // Актуальные проблемы Европы. 2022. № 4. С. 213–233.

Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? // Egmont Policy Brief. 2022. No 285. 6 p.

Brussels Summit Declaration // NATO. 11.07.2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 21.08.2023).

Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Brussels: NATO, 2023. 16 p.

Defence Ministers decide to bolster the NATO Response Force, reinforce collective defence // NATO. 24.06.2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120993.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Germany steps up to lead NATO high readiness force. // NATO. 1.01.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Germany takes the lead for NATO's high readiness force // NATO. 28.12.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210076.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Fact sheet. U.S. Defense Contributions to Europe // The US Department of Defence. 29.06.2022. URL: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (дата обращения: 21.08.2023).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland. Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten // SOWI-Arbeitspapier. 1990. № 44. 12 p.

France takes the lead of NATO's highest readiness force // NATO. 29.12.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_190458.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

NATO's military presence in the east of the Alliance // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (дата обращения: 21.08.2023).

NATO Response Force // NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (date of access: 21.08.2023).

NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels: NATO HQ, 2022. 13 p.

New NATO Force Model // NATO. 8.07.2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (дата обращения: 21.08.2023).

Noble Jump kicks off with an alert exercise // NATO. 17.03.2017. URL: <https://jfcnaples.nato.int/newsroom/news/2017/noble-jump-kicks-off-with-an-alert-exercise> (дата обращения: 21.08.2023).

Poland takes charge of NATO high readiness force. // NATO. 30.12.2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_172334.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Heads of State and Government (2022 NATO Summit) // NATO. 29.06.2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197288.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023.

In Wilna // Bundeskanzleramt. 12.07.2023. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (дата обращения: 21.08.2023).

Statement by the NATO Defence Ministers on the Readiness Action Plan // NATO. 5.02.2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_117222.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

Trident Juncture shows NATO capabilities 'are real and ready' // NATO. 4.11.2015. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_124265.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Turkey takes charge of NATO high readiness // NATO. 1.01.2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180627.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Varwick J. Nordatlantische Allianz // Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften / GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763–778.

Vilnius Summit Communiqué // NATO. 11.07.2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en (дата обращения: 21.08.2023).

Wales Summit Declaration // NATO. 5.09.2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 21.08.2023).

References

Batov P.I. V pohodah i bojah [On campaigns and battles]. Moscow: Veche, 2015. 480 p. (In Russ.)

Biscop S. The New Force Model: NATO's European Army? Egmont Policy Brief. 2022. No 285. 6 p.

Bratersky M.V. Istoki novoj holodnoj vojny: osnovnye cherty sistemnogo konflikta XXI veka [Sources of the new Cold War: Main features of the systemic conflict in the XXI century]. Current problems of Europe. 2020. N 1. P. 15–31. (In Russ.)

Brussels Summit Declaration. NATO. 2018. July 11. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (date of access: 21.08.2023).

Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2023). Brussels: NATO, 2023. 16 p.

Defence Ministers decide to bolster the NATO Response Force, reinforce collective defence. NATO. 2015. June 24. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_120993.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Germany steps up to lead NATO high readiness force. NATO. 2019. January 1. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_161796.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Germany takes the lead for NATO's high readiness force. NATO. 2022. December 28. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_210076.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Fact sheet. U.S. Defense Contributions to Europe, The US Department of Defence. 2022. June 29. Mode of access: <https://www.defense.gov/News/Releases/Release/Article/3078056/fact-sheet-us-defense-contributions-to-europe/> (date of access: 21.08.2023).

Fleckenstein B. Fremde Truppen im Vereinigten Deutschland – Gegenwärtige Situation und künftige Aussichten. SOWI-Arbeitspapier. 1990. N 44. 12 S.

France takes the lead of NATO's highest readiness force. NATO. 2021. December 29. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_190458.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Istomin I.A. Upravlenie objazatel'stvami v asimmetrichnyh al'jansah [Management of security commitments in asymmetric alliances]. International trends. 2021. N 1. P. 26–55. (In Russ.)

Manoilo A.V. Sovremennye podhody Evropejskogo sojuza k sozdaniju sobstvennyh vooruzhennyh sil [Modern approaches of the European Union to creating own armed its forces]. Current problems of Europe. 2020. N 4. P. 75–94. (In Russ.)

Nadtochey Yu.I., Khristenko D.N. Razdelenie finansovogo bremeni v NATO: Staraja problema v novom zvuchanii [Sharing the NATO financial burden: New image of the old problem]. Urgent problems of Europe. 2019. N 1. P. 56–77. (In Russ.)

NATO's military presence in the east of the Alliance. NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_136388.htm (date of access: 21.08.2023).

NATO Response Force, NATO. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49755.htm (date of access: 21.08.2023).

NATO 2022 strategic concept. Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. Brussels: NATO HQ, 2022. 13 p.

New NATO Force Model. NATO. 2022. July 8. URL: https://www.nato.int/nato_static_files2014/assets/pdf/2022/6/pdf/220629-infographic-new-nato-force-model.pdf (date of access: 21.08.2023).

Nikitin A.I. Tendencii voenno-politicheskogo razvitija i voenno-tehnicheskogo sotrudnichestva stran Evrosojuza [Trends of military-political development in Europe and of military-technical cooperation between the EU member states]. *Current problems of Europe*. 2020. No 4. P. 53-74. (In Russ.)

Noble Jump kicks off with an alert exercise. NATO. 2017. March 17. URL: <https://jfcnnaples.nato.int/newsroom/news/2017/noble-jump-kicks-off-with-an-alert-exercise> (date of access: 21.08.2023).

Novikova O.N. Chetvertaja afganskaja vojna Velikobritanii [Britain's Fourth Afghan war]. *Current problems of Europe*. 2022. N 4. P. 213–233. (In Russ.)

Poland takes charge of NATO high readiness force. NATO. 2019. December 30. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_172334.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Heads of State and Government (2022 NATO Summit). NATO. 2022. June 29. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_197288.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Pressekonferenz von Bundeskanzler Scholz zum Gipfeltreffen der NATO am 12. Juli 2023/

In Wilna. Bundeskanzleramt. 2023. July 12. URL: <https://www.bundesregierung.de/breg-de/suche/pressekonferenz-von-bundeskanzler-scholz-zum-gipfeltreffen-der-nato-am-12-juli-2023-2202034> (date of access: 21.08.2023).

Statement by the NATO Defence Ministers on the Readiness Action Plane. NATO. 2015. February 5. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_117222.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

The Bundeswehr on operations. Berlin: Federal Ministry of Defense, 2009. 120 p.

Trident Juncture shows NATO capabilities 'are real and ready'. NATO. 2015. November 4. https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_124265.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Turkey takes charge of NATO high readiness. NATO. 2021. January 1. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_180627.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Varwick J. Nordatlantische Allianz. Handbuch zur deutschen Außenpolitik / S. Schmidt, G. Hellmann, R. Wolf (Hrsg.). Wiesbaden: Verlag für Sozialwissenschaften/ GWV Fachverlage GmbH, 2007. S. 763–778.

Vilnius Summit Communiqué. NATO. 2023. July 11. https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_217320.htm?selectedLocale=en (date of access: 21.08.2023).

Wales Summit Declaration. NATO. 2014. September 5. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_112964.htm (date of access: 21.08.2023).

Zaytsev A.A., Zaytseva N.V. O voinskih kontingentah SShA i NATO v Evrope [About US and NATO military contingents in Europe]. *Proceedings of BSTU*. Issue 6, History, Philosophy. 2020. N 1. P. 82–85. (In Russ.)

Zhukov G.K. Vospominaniya i razmyshleniya [Memories and reflections]. Moscow: APN, 1974. 383 p. (In Russ.)